

**ПОНЯТИЕ РУССКОГО МЕССИОНИЗМА
В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА:
ОТ ТРЕТЬЕГО РИМА ДО ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

А. А. Цельковский

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу понятия русского мессианизма в философии Н. А. Бердяева. В ней рассматриваются трансформация идеи мессианизма в различные периоды российской истории, а также ее роль в отечественной политической практике.*

Ключевые слова: *мессианизм, Третий Рим, Третий Интернационал.*

Abstract: *article is devoted to the analysis of concept of the Russian messianism of N. A. Berdyaev's philosophy. In it are considered transformation of idea of a messianism during various periods of the Russian history, and also its role in domestic political practice.*

Key words: *messianism, Third Rome, Third International.*

Двадцатый век без преувеличения можно назвать одним из самых драматичных периодов российской истории. Начало прошлого столетия ознаменовалось чередой крупных социально-политических катаклизмов. Первая мировая война, обернувшаяся для России многомиллионными жертвами, стала в итоге одной из основных причин Великой октябрьской революции. Амбициозные проекты строительства нового государства, предполагавшие создание не только новой политической системы, но и воспитания человека нового типа, затронули глубинные духовные основы русской культуры. Однако советская эпоха, в корне изменившая облик России, завершилась не торжеством коммунизма, а распадом государства и очередной сменой ценностных ориентиров. Все это привело к масштабному духовному кризису, продолжающемуся поныне. Отсутствие консолидирующей идеологии, способной объединить различные социальные группы, стало серьезным препятствием к осуществлению любых преобразований. В результате большая часть населения страны находится в состоянии инерции и апатии, не принимая участия в общественной жизни. Таким образом, поиск новых духовных и ценностных основ является одной из самых серьезных проблем, стоящих перед обществом и властью.

Следует отметить, что преодоление духовного кризиса невозможно без понимания фундаментальных особенностей национального менталитета. Данную тему в свое время блестяще раскрыл великий русский мыслитель Николай Александрович Бердяев. Значение его философии для русской духовной культуры трудно переоценить. Многие выдающиеся

современники Н. А. Бердяева понимали масштаб личности мыслителя и высоко оценивали его философию. К примеру, С. Ф. Франк писал о нем: «Бердяев – совсем не «философ», если под философией разуметь построение систематического и объективно обоснованного мировоззрения. Но он несомненно настоящий мыслитель; у него всегда есть множество новых и оригинальных идей, он способен смотреть на вещи со своей собственной точки зрения и прежде всего обладает редкими свойствами правдолюбия и внутренней независимости, вне которых невозможно подлинное духовное творчество» [1, с. 225]. По мнению Л. И. Шестова, «Бердяев является несомненно первым из русских мыслителей, умевших заставить себя слушать не только у себя на Родине, но и в Европе. Его сочинения переведены на многие языки мира и везде встречали к себе самое сочувственное, даже восторженное отношение. Не будет преувеличением, если мы поставим его имя наряду с именами наиболее сейчас известных и значительных философов – таких как Ясперс, Макс Шелер, Николай Гартман, Гейдеггер... Можно сказать, что в лице Н. Бердяева русская философская мысль впервые предстала перед судом Европы или, пожалуй, даже всего мира» [там же, с. 411].

Годы жизни философа пришлось на очень сложное для России время. По-видимому, стремление осмыслить причины бедствий, поразивших страну, и заставило Н. А. Бердяева обратиться к исследованию особенностей русской души.

Пытаясь выяснить причины, обусловившие специфику национального менталитета, Н. А. Бердяев прежде всего обращает внимание на уникальное положение России, находящейся на пересечении Восточной и Западной цивилизаций. По Н. А. Бердяеву, «противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента» [2, с. 248]. В самом деле, Россия принадлежит и восточному, и западному культурному пространству, но в то же время не является в полной мере ни восточной страной, ни западной. Вследствие этого в среде отечественной политической и интеллектуальной элиты регулярно ведутся споры о месте России в мировом культурном пространстве.

Так, в эпоху Средневековья патриархальное Московское царство противопоставляло себя Европе. Затем петровская Россия взяла курс на европеизацию и всячески стремилась подчеркнуть свое родство с Европой. Россия XIX в. являла собой мощную политическую силу на европейском континенте, однако в духовном плане XIX в. ознаменовался спором славянофилов и западников. Все эти тенденции отчетливо различимы и в современной социально-политической практике. Если после распада Советского Союза российская элита воспринимала западноевропейские либеральные режимы как эталон общественного и государственного устройства, то в настоящее время критика западных либеральных ценностей и поиск собственной идентичной модели развития становится официальной позицией власти. Подобные тенденции можно объяснить

сменной элит, комплексом внешне- и внутриполитических причин. Однако данные тенденции обусловлены также особенностями национальной культуры и менталитета.

Продолжая исследование основ русского менталитета, Н. А. Бердяев указывает на православное христианство: «Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию» [2, с. 248]. Бесспорно, принятие православия предопределило дальнейшее развитие России и в духовном, и в социально-политическом отношении. Православие стало важнейшим компонентом национальной идентичности, сформировав многие характерные черты русского менталитета. По мысли Н. А. Бердяева, «религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру» [там же]. Устремленность к высшим целям и идеалам, способность переносить страдания ради веры, Отечества, «светлого будущего» – характерные черты русского менталитета. Жертвенность и мессианизм, свойственные христианской религии, вместе с православием вошли в русский характер, претерпев некоторые трансформации, но сохранившись в виде значимой мировоззренческой составляющей.

По убеждению Н. А. Бердяева, «религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты. Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII в. были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX в. они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII в. [2, с. 248]». То есть, согласно Н. А. Бердяеву, русский менталитет тяготеет к крайностям, он не склонен к компромиссам и не ищет «золотой середины». По Н. А. Бердяеву, «всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу [там же]». Данное свойство русского менталитета проистекает из специфического взгляда на собственную страну. Россия – это особая страна, а вернее, особая цивилизация, стоящая особняком ко всему миру. К ней не применимы общие категории и мерки, у нее свой путь, своя миссия. Для русской духовной культуры убеждение в исключительном положении народа в мировой цивилизации и в его особой роли в истории является одной из основных и неотъемлемых черт.

Пробуждение мессианского сознания связано с последствиями принятия православия в качестве государственной религии. Принятие православия отдалило Россию от латинского Запада, поэтому русский народ никогда не считал свою страну частью Европы, будучи уверенным в существовании собственного особого пути.

В русской истории идея мессианизма получила свое законченное воплощение в виде идеологической доктрины «Москва – Третий Рим», отразившей и растущие политические амбиции Российского государства, и стремления упрочить свои духовные основы. Доктрина «Москва – Третий Рим» оформилась на рубеже XV–XVI вв. в период образования единого централизованного Московского государства. Процесс создания идеологии Третьего Рима по Н. А. Бердяеву выглядел следующим образом: «После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры. Инок Филофей был выразителем учения о Москве, как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: «Третьего нового Рима – державного твоего царствования – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Доктрина о Москве как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования Московского царства» [2, с. 249]. Константинополь – духовный центр православия пал под натиском турок, православная Москва, наоборот, обрела независимость от Монголо-татарского ига. Связав два этих события и сформулировав идеологическую формулу «Москва – Третий Рим», Москва объявляла себя духовной преемницей Византии. Н. А. Бердяев говорит о том, что мессианская идеология «Третьего Рима» становится частью национального мировоззрения: «Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории» [там же]. Мессианская идея особого пути стала значимой частью русского менталитета и русской культуры.

Совершив свой религиозный выбор в пользу православия, Россия сблизилась с восточным Римом – Константинополем. Ощущение духовной связи с православной Византией в конечном итоге переросло в идею преемственности. Крушение Второго Рима – Константинополя позволило Москве объявить себя наследницей Византии – Третьим Римом. Московское царство осталось фактически единственным независимым православным государством. С этого момента на Россию ложится особая миссия сохранения истинной православной веры. Подобное понимание своего места в политическом и культурном пространстве способствовало пробуждению в русском менталитете мессианского сознания.

Мессианизм остается универсальной чертой русского менталитета, даже утрачивая религиозную основу. Ярким примером этого служит коммунистическая идеология. Н. А. Бердяев считал, что успех коммунистического учения обусловлен, прежде всего, его мессианским харак-

тером. Философ не просто проводит аналогию между мессианской идеей «Третьего Рима» и коммунистической идеологией, он говорит о единых истоках русского религиозного мессианизма и русского коммунизма. По мысли Н. А. Бердяева, идеология Третьего Интернационала является духовной «наследницей» религиозной идеологии Третьего Рима.

Последние годы существования Российской империи характеризовались серьезным кризисом. Духовный потенциал религиозной идеологии «Третьего Рима» был утрачен, требовался новый политический миф. Октябрьская революция возвратила к жизни мессианские идеи. Согласно Н. А. Бердяеву, «русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII в. обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма» [2, с. 371].

Построение Советского государства представляло собой грандиозный проект, потребовавший активного участия широких масс. Данная задача была достигнута путем создания идеологии, ставшей фундаментом нового общества. Советская идеология явилась той силой, которая позволила в достаточно короткие сроки сплотить различные слои населения, пробудить в них созидательную энергию и направить ее в нужное русло. Все это стало возможным благодаря тому, что идеологические лозунги и программы, сулящие скорое построение идеального коммунистического общества, апеллировали к глубинным слоям русского менталитета. Подобно Московскому царству, оставшемуся единственным православным государством и призванному сохранить истинную веру среди враждебного окружения, новое Советское государство стало единственным государством – носителем марксистского учения. С этого момента у России появилась новая национальная идея, новая великая миссия. Советской России как апологету марксизма надлежало распространить в ходе мировой революции эту новую «истинную веру» и тем самым исполнить свое историческое предназначение. Об этой великой миссии красноречиво говорил государственный герб Советского Союза с изображенным на нем земным шаром.

Возрождению мессианизма способствовала специфика советской действительности. В условиях авторитарной власти и духовного монополизма марксистское учение довольно быстро превратилось в некое подобие религиозного культа. Впрочем, данная тенденция обусловлена самой природой революционного марксизма. По мысли Н. А. Бердяе-

ва, «марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме» [2, с. 229–230]. Н. А. Бердяев, анализируя особенности марксизма, в первую очередь обращает внимание именно на его морально-ценностную составляющую: «Все учение о классовой борьбе носит аксиологический характер. Различие между «буржуа» и «пролетариатом» есть различие между добром и злом, несправедливостью и справедливостью, между заслуживающим порицания и одобрения. В системе марксизма есть логически противоречивое соединение элементов материалистических, научно-детерминистических, аморалистических с элементами идеалистическими, моралистическими, религиозно-мифологическими. Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основана его сила» [там же, с. 332].

По мере того, как укреплялась советская власть, революционный марксизм все больше приобретал вид закостенелой догмы, обслуживающей интересы новой партийной элиты. Мессианская идея постепенно меркла и исчезала, обещанное светлое коммунистическое будущее оказалось несбыточной утопией, а ожидаемая мировая революция так и не свершилась. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что распад Советского Союза был вызван исключительно кризисом коммунистической идеологии, комплексом проблем экономического и социально-политического характера. Но тем не менее, разочарование в коммунистическом учении и утрата веры в его истинность сыграли ведущую роль в эскалации назревающего кризиса.

Вера в коммунистические идеалы была потеряна, Россия в очередной раз повернулась в сторону Запада. Однако ожидаемая демократизация и материальное благополучие обернулись развалом государства, политической анархией и экономическим кризисом. Российская элита приступила к разделу сфер влияния, а общество в большинстве своем осталось непричастным к происходящим в стране процессам. Прежняя национальная идея была утрачена, а новая так и не появилась. Последствия этих процессов сказываются и поныне. Между тем приведенные выше примеры демонстрируют важность мессианизма как компонента национального менталитета и национальной идентичности. Н. А. Бердяев прямо говорил о том, что единое Российское государство сформировалось под воздействием мессианской идеи, которая с течением времени прочно вошла в русскую культуру. Именно поэтому процесс преодоления глубоко кризиса должен начаться с возрождения духовных традиций, с возвращения утраченного чувства национального достоинства. Подобные задачи могут быть решены путем создания общенациональной консолидирующей идеологии, в виде которой будет сформулирована новая

национальная идея, способствующая преодолению апатии, царящей в обществе, объединению широких слоев населения для масштабных социальных преобразований.

Литература

1. Н. А. Бердяев : pro et contra. Кн. 1 / сост. А. А. Ермичева. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с.

2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Сварог и К, 1997. – 415 с.

Липецкий государственный технический университет

Цельковский А. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии

E-mail: alts1085@mail.ru

Тел.: 8-910-256-03-27; 8-910-251-63-70

Lipetsk State Technical University

Tselykovsky A. A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Philosophy Department

E-mail: alts1085@mail.ru

Tel.: 8-910-256-03-27; 8-910-251-63-70